

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГОДЪ II.

ХАРЬКОВЪ, СУБОТА, 11 (23) СЕНТЯБРЯ 1882 ГОДА.

№ 588.

Отдѣльные №№ „Южного Края“ продаются по 6 коп.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“, ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1882 ГОДЪ:

На 12 мѣсяцевъ.	ВѢЗЪ ДОСТАВКИ.	СЪ ДОСТАВКОЮ.	СЪ ПЕРЕС. ИНОГРО.
10 руб. 50 коп.	12 руб. — коп.	12 руб. 50 коп.	
6 „	7 „	7 „	50 „
5 „	6 „	6 „	30 „
4 „	5 „	5 „	20 „
3 „	4 „	4 „	10 „
2 „	3 „	3 „	20 „
1 „	2 „	1 „	40 „

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная Контора газеты въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковского Университета № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Иосифовича, принимаетъ подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 8-ми час. утра до 7-ми час. вечера, а въ воскресные и праздничные дни отъ 11-ти до 4-хъ часовъ дня.

Кромѣ того, ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ Петербургѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Nevskomъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ книжномъ магазинѣ Эмиліи Гартве, на Nevskomъ проспектѣ, № 21; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровскѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печниковой; въ Варшавѣ—въ книжномъ магазинѣ Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенатской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Б. Я. Федорова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Бѣлого и Е. П. Рапопова; въ Лодзѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Родзевича и въ книжномъ магазинѣ у нотаріуса П. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ у Navas, Lafite et Co, Place de la Bourse.

Редакция газеты находится въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1-й; для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ дня.—Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть непременно за подписью и съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ обозначенія условий, признаются бесплатными. Статьи, признанныя удобными для печати, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Мелкія статьи, замѣтки и корреспонденціи, неудобныя для печати, уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ

Харьковъ, 10-го сентября 1882 года.
Дѣйствія правительства.
Обзорныя газетъ и журналовъ.
Мѣстная хроника: изъ городской жизни.
Телеграммы (отъ „Международнаго и „Сѣвернаго телеграфнаго агентствъ“).
Последнія извѣстія.
Вѣстныя извѣстія.
Внутреннія извѣстія: корреспонденція „Южного Края“ изъ Мариупольскаго уѣзда, Купальскаго, Кобелякскаго и Славянскскаго уѣздовъ, Николаева и Митрограда.—Извѣстія другихъ газетъ: изъ Кіева, Одессы, Бендера, Голловетскаго, Бакумтскаго уѣздовъ, Николая, Стародуба, Мариуполя, с. Анношино и Киселева.
Смѣсь.
Биржевая хроника и торговый отдѣлъ.
Календарь.
Справочная свѣдѣнія.
Фельетоны: Литературныя замѣтки, I.
Объявленія.

ХАРЬКОВЪ,

10-ю сентября 1882 г.

Выступая съ проектомъ о передачѣ народныхъ школъ духовенству, „Московскія Вѣдомости“ съ проніей спрашиваютъ своихъ противниковъ, доказывающихъ, что такая реформа нанесетъ страшный ударъ земству, гибельно отразится на интересахъ страны: гдѣ и когда просвѣщеніе массъ приходило въ застой, будучи сосредоточено въ рукахъ священниковъ? Этотъ вопросъ доказываетъ, что воинствующая газета или плохо знаетъ исторію или умышленно игнорируетъ всѣмъ извѣстные факты. Вотъ что говоритъ французскій публицистъ Э. Лавей. „Въ старину обязанность разсѣивать мракъ невѣжества, въ который было погружено простонародье, возлагалась исключительно на духовенство. Что же оно сдѣлало, чтобы успѣть въ этомъ? Въ одной изъ главъ своей прекрасной книги „Школа“ (L'Ecole) Жюль Симонъ показалъ, какъ велико было въ тѣ времена всеобщее невѣжество; крестьянинъ, или даже рыцарь, умѣявшій читать, являлся рѣдкимъ исключеніемъ. Правительство Карла Великаго основало народныя школы; во времена феодализма онѣ пришли въ упадокъ, и въ теченіе тысячи лѣтъ духовенство сдѣлало очень немного, чтобы поднять ихъ. Таковыя опыты десяти столѣтій. Или этого мало? Нѣтъ, отвѣтъ намъ: опытъ при старинномъ строѣ государства ничего не доказываетъ, такъ какъ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Въ только что полученной здѣсь сентябрьской книжкѣ „Русской Старинѣ“ помѣщено новое изсѣдованіе г. Якушкина объ Радищевѣ и его книгѣ. Г. Якушкинъ имѣлъ возможность пользоваться подлиннымъ дѣломъ объ Радищевѣ, хранящимся въ архивѣ С.-Петербургской уголовной палаты—источникомъ, недоступнымъ еще до сихъ поръ ни одному изсѣдователю. Собственно говоря, это архивное „дѣло“ очень мало прибавляетъ къ характеристикѣ Радищевской исторіи, такъ какъ негласнымъ дознаніемъ, произведеннымъ знаменитымъ Шешковскимъ и давно уже сдѣланнымъ достояніемъ нашихъ историковъ литературы, было выяснено гораздо больше, чѣмъ процессомъ, явлено ради одной лишь формы произведеннаго въ С.-Петербургской уголовной палатѣ. Тѣмъ не менѣе въ извѣстнѣйшій г. Якушкина можно отыскать кое что характерное и не лишнее интереса. Вообще, дѣло объ Радищевѣ и его книгѣ и до сихъ поръ еще является вопросомъ спорнымъ и недостаточно выясненнымъ и это именно потому, что всегда больше обращали вниманія на послѣдствія появленія книги: на несчастную судьбу, постигшую автора, нежели на самую книгу и на личность самаго Радищева, взятая помыю, такъ сказать, историческаго скандала, произведеннаго имъ. Прежде всего надо отмѣтить, что книга Радищева вовсе не представляла ничего новаго и необычнаго для тогдашняго времени, ни пономъ своимъ, ни приемами изложенія, ни вопросами, затрагиваемыми въ ней, ни, наконецъ, отношеніемъ автора къ этимъ вопросамъ. Былъ въ ней лишь одинъ пунктъ, подавшій поводъ всей исторіи, но объ этомъ послѣ. За исключеніемъ же этого пункта, въ литературѣ первой половины царствованія Екатерины найдется цѣлая

въ ту эпоху никто не считалъ необходимымъ образовывать музыковъ, этихъ—по выраженію Лавроуера—„животныхъ, скребущихъ землю“. Пусть будетъ такъ. Перенесемся же къ нашему времени, въ страну, въ которой духовенство всегда главенствовало. Мы говоримъ о Неаполитанскомъ королевствѣ. Здѣсь верховный училищный совѣтъ составлялся изъ иерарховъ. Низшія училища находились въ вѣдѣніи іезуитовъ, а монашествующіе ордена снабжали учителями всѣ школы. Какіе же плоды принесла дѣятельность духовенства? Изъ рапорта италіанскаго министра Натали видно, что въ королевствѣ обихъ Сицилій число грамотныхъ къ числу неграмотныхъ въ 1867 г. относилось какъ 1 къ 10. Въ Базиліатѣ на каждую 1,000 жителей совершенно безграмотныхъ приходилось 912, а въ другихъ провинціяхъ: въ Калабриѣ, Абрुццѣхъ и Сициліи—900. Между женщинами безграмотность была общій правиломъ: изъ сотни женщинъ едва-едва двѣ умѣли читать и писать, да и то съ грубымъ попомъ... Въ исторіи народнаго образованія въ Португаліи находимъ примѣръ еще того же развитія. Въ этой странѣ, какъ и въ прочихъ католическихъ земляхъ, народнымъ образованіемъ заведывало только духовенство. И что же? Въ XVIII столѣтіи, когда министръ Помбаль, понявшій потребности новаго общества, пожелалъ навести справки о положеніи народнаго образованія, онъ нашелъ всеобщее и совершеннѣйшее невѣжество“. (*) Протестантское духовенство въ дѣлѣ элементарнаго обученія научмъ не отличалось отъ духовенства католическаго, хотя Лютеръ и проповѣдалъ, что „дѣтей надо держать въ школѣ“, что „начальство обязано принуждать подданныхъ къ посѣщенію школы“ и т. д. „Но догматъ этотъ, замѣчаетъ князь Васильчиковъ, оставался въ Германіи чистою отвѣченностью и только черезъ два столѣтія началъ получать примѣненіе“ („О самоуправленіи“, II, 4). Въ Англіи до 1833 г. большая часть сельскихъ школъ находилась подъ вѣдѣніемъ духовнаго начальства, и парламентская ревизія доказала, что конфессіоннаго училища нигдѣ не годились, что школы посѣщала только десятая часть дѣтей школьнаго возраста. Благодаря чему западно-европейскія государства сдѣлали въ сравнительно короткое время быстрые успѣхи относительно распространенія грамотности и первоначальныхъ знаній въ рабочей части населенія? Благодаря инициативѣ правительства, благодаря привлеченію земскихъ учре-

(*) „О народномъ образованіи“, 10—12.

масса журнальныхъ статей и „разсужденій“, отличающихся всѣмъ достоинствами и недостатками книги Радищева; наконецъ, собственная произведенія Екатерины, совершенно точно также по изложенію чрезвычайно утомительныя, какъ въ сатиру, такъ еще болѣе въ риторически-сентиментальныхъ мѣстахъ, по множеству способная вывести изъ терпѣнія самого терпѣливаго читателя, наконецъ, отличающаяся слогомъ неустроеннымъ и даже карварскимъ,—и тономъ своимъ и приемами совершенно напоминаютъ книгу Радищева. Внутреннее же содержаніе этой книги лучше всего можно охарактеризовать слѣдующими словами Пушкина: „Въ Радищевѣ отразилась вся философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидро и Рейналя; но все въ несладкомъ видѣ, какъ всѣ предметы, криво отраженные въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное отношеніе ко всему прошедшему, слабое и изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частная, поверхностная свѣдѣнія, на омыхъ приравненія ко всему—вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Книга его есть очень посредственное произведеніе“. Но эту самую чрезвычайно проницательную характеристику какъ книги, такъ и самаго Радищева, какъ писателя, мы, конечно, опять такъ, буквально можно приписать, какъ къ цѣлому ряду упомянутыхъ статей и „разсужденій“, такъ и ко многимъ собственнымъ сочиненіямъ Екатерины, начиная съ знаменитаго „Наказа“. Разница только въ томъ, что Екатерина, обладавшая огромнымъ умомъ, хорошо понимавшая смыслъ и значеніе своихъ собственныхъ побужденій, никогда не попадала въраспутіе. Всегда чувствую и зная, что всѣ эти „наказы“, всѣ эти разсужденія и разглагольствованія направ-

женій къ участию въ дѣлахъ народнаго образованія и, наконецъ, благодаря организаціи сословія учителей и распространенію семинарій, подготовляющихъ преподавателей, знакомыхъ теоретически и практически съ дѣломъ обученія и посвятившихъ себя специально педагогической дѣятельности. „Благодаря семинаріямъ, говоритъ Лоренцъ Штейнъ, возникла учительская профессія, и только этой профессіей, великое этическое пониманіе которой зародилось лишь во времена Песталоцци, обусловливается высшее развитіе всего строя народныхъ школъ“ („Ученіе объ управленіи“, 142). Иначе и быть не можетъ. Только то дѣло можетъ успѣшно развиваться, которымъ занимаются люди, избравшіе его своею единственною профессіей. Дѣло же, которымъ занимаются дилетанты да еще „между прочимъ“ въ часы досуга отъ главной работы, такое дѣло весьма естественно не уйдетъ далеко. Но этого нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ не понимаютъ, и потому съ восторгомъ говорятъ о спасительности реформы, которая (будемъ надѣяться, что она не состоится!) передастъ школы духовенству и весь контингентъ учителей составитъ изъ священниковъ.

Вотъ что лѣтъ двѣнадцать тому назадъ писалъ по этому вопросу такой авторитетный педагогъ, какъ покойный Ушинскій: „Идея церковной школы не пустила у насъ корней ни въ народѣ, ни въ духовствѣ. Этому, конечно, не противорѣчатъ тѣ частныя явленія, что кое-гдѣ священники и причетники заводили и поддерживали школы: много школъ заводилось также отставными солдатами и писарями, но нельзя же изъ этихъ частныхъ явленій вывести какого-нибудь общаго заключенія. Правда, въ послѣднее время было заявлено какое-то особенное, внезапно родившееся стремленіе учреждать школы при церквяхъ, но и это стремленіе, какъ оказывается изъ отчетовъ различныхъ земствъ, было напускнымъ и не дало положительныхъ результатовъ. Въ удовлетвореніе различныхъ предпачій школы быстро появлялись и уничтожались, оставаясь, а иногда и появлялись только на бумагѣ, а не на дѣлѣ. Даже для преподаванія Закона Божія въ школахъ, преподаванія дѣйствительнаго и постоянного, не всегда можно найти наставниковъ между приходскими священниками, такъ какъ они имѣютъ для этого очень мало времени. Сами крестьяне высказываются, и иногда довольно рѣшительно, противъ назначенія лицъ приходскаго духовенства учителями въ крестьянскія школы... Въ этомъ случаѣ народъ руководствуется очень вѣрною практическою мыслью, справедливостью которой уже не разъ подтверждались многочисленными опытами. Какъ ни мало знакомъ народъ нашъ со школьнымъ дѣломъ, но все же понимаетъ, что его нельзя дѣлать кое-какъ, урывками, что учитель долженъ отдать дѣтямъ все свое время и что приходскій священникъ никакъ не можетъ этого сдѣлать. Зная близко жизнь своего приходскаго духовенства, народъ видитъ очень часто, что приходскій священникъ и своего то собственнаго сана не можетъ самъ учить, а сбываетъ его какъ можно рѣдѣе въ городскія училища... Народъ, устранивъ школы для своихъ дѣтей, хочетъ видѣть въ нихъ учителями такихъ лицъ, которыя бы исполняли безотговорочно свою обязанность и оставляли въ школу, если не хотѣли дѣлать дѣла, за которое звались. Но если наставникомъ школы является священникъ, діаконъ или причетникъ, то такое отношеніе къ учителю оказывается невозможнымъ. Можно ли смѣнить священника, если онъ окажется плохимъ школьнымъ учителемъ? Можно ли, наконецъ, даже претендовать на него, если сами же крестьяне различными церковными требами отрываютъ священника отъ его школьнаго дѣла!“ *)

Священники не могутъ быть хорошими народными учителями по недостатку времени. Это подтверждается отзывами тѣхъ духовныхъ лицъ, къ которымъ обращался съ запросами въ шестидесятихъ годахъ Г. П. Данилевскій, по порученію

(*) Собр. педагог. сочиненій, II, 558—560.

лени единственно по адресу „господина Вольтера“ и вообще всей Европы, она имъ не придавала никакого практическаго значенія, хорошо понимая какъ смыслъ тогдашней русской дѣятельности, полную непримѣнимость къ этой дѣятельности принциповъ просвѣдательной философіи, такъ и свои собственные пользы и выгоды. Конечно, надо оговориться, что то, совершенно особенное, литературное теченіе, развившееся въ дѣятельности Новикова, какъ издателя сатирическихъ журналовъ, въ комедіяхъ Фонъ-Визина, и проч. хотя, повидимому, неразрывно связано съ просвѣдательнымъ вліяніемъ Екатерины и несомнѣнно вызвано имъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ чрезвычайно мало общаго и соприкасается развѣ лишь своими недостатками съ тѣмъ направленіемъ которому начало было положено самой Екатериной и которое, затѣявъ, яре всего выразилось въ осужденіи ею же книгъ Радищева. И Новиковъ, и Фонъ-Визинъ, напиримѣрь, первые положили основаніе дѣйствительному изученію и критикѣ русскаго быта, русскаго склада жизни; они стояли на почвѣ реальной дѣятельности, любви и ненависти не въ призраки отвѣченныхъ категорій, созданныхъ въ собственномъ воображеніи, а то, что въ жизни точно заслуживало любви и ненависти, боролись не съ отвѣченными фантазмами зла, а съ тѣмъ дѣйствительнымъ зломъ и неправдою, которыя окружали ихъ. Въ направленіи же сентиментально-слапавого европеизма, люди умные, но тѣлесные, какъ напиримѣрь, сама Екатерина, видѣли лишь праздную забаву, нисколько не идущую къ дѣлу, но нисколько ему и не мѣшающую, люди же недальновидные ожидали отъ этой забавы такихъ результатовъ, какихъ она дать не могла. И точно, мы видимъ, что въ „Наказѣ“, въ разнѣхъ разсужденіяхъ „о правахъ человѣка и гражданъ“ нисколько не мѣшали Екатеринѣ посту-

почетителя нашего учебнаго округа, осматривавшей сельскія школы Харьковской губерніи.

„Я сомнѣваюсь, говорилъ отъ А. А.—въ, что-бы священники добровольно приняли на себя долгъ, даже при порядочномъ жалованьи, быть исключительными наставниками сельскихъ училищъ. Имъ просто нѣкогда“.

Одинъ священникъ далъ такой отзывъ: „Прихождъ у меня разбросанъ на пространствѣ 25 верстѣ; зимой приходится въ одинъ день ѣхать за десять верстѣ хоронить, а къ вечеру на другой конецъ за двѣнадцать верстѣ пробовать или крестить. На этотъ случай, для занятій въ школѣ, я изъ своего жалованья нанялъ себѣ помощника изъ бывшихъ кантонистовъ“.

Священникъ свободы Терновой, Платоновъ отвѣтилъ: „Иной разъ душевно бы радъ проводить лишній часъ въ день на обученіе дѣтей, но дѣло въ томъ, что нельзя располагать этимъ. Каждый уставшій человекъ воспользуется минутой отдыха, чтобы сколько-нибудь успокоиться“.

Священникъ села Сватовой-Лучки писалъ: „По разбросанности прихода постоянно заниматься въ школѣ не могу; нанимаю помощника“.

Священникъ села Дробышева высказалъ мнѣніе, что „священникамъ постоянно заниматься въ школѣ невозможно, а причетники плохіе помощники“.

Материалы, обнародованные г. Данилевскимъ, доказываютъ, что народное образованіе въ Харьковской губерніи, находившееся въ началѣ 60-хъ годовъ и раньше почти исключительно въ рукахъ духовенства, представляло самое плачевное зрѣлище. Почти во всѣхъ школахъ учителями по-мимально считались священники, на самомъ же дѣлѣ преподаваніемъ занимались напятие или изъ жалованья, получаемого отъ министерства государственныхъ имуществъ и другихъ вѣдомствъ, помощники: кантонисты, не кончившіе курса семинаріи, причетники, изъ которыхъ „многіе читали по складамъ, а если подписывали фамилію, то и ученому трудно было ее разобрать“. Печальныя цифры! Грустные выводы!—восклицалъ г. Данилевскій, подводя итоги всему, что сдѣлало духовенство для распространенія элементарнаго образованія по деревнямъ Харьковской губерніи. „Дѣло народной грамотности въ такомъ положеніи долѣе оставаться, очевидно, не можетъ и не должно“ (*).

И вотъ теперь раздаются голоса въ пользу возвращенія къ старой, осужденной опытомъ системѣ. Теперешнюю сист. емъ предлагаютъ упразднить и опять принять за новыя эксперименты. И все „подъ личиною усердія къ царю!“ Плохое усердіе! Нигдѣ „игра въ направленіе“ не отражается такъ гибельно, какъ на первоначальномъ образованіи. Оно прежде всего нуждается въ устойчивости. Почему Пруссія достигла такихъ блестящихъ результатовъ въ школьномъ дѣлѣ? Потому что ея не смущали ни вопли юнкерской партіи, ни политическія потрясенія, ни революціонная пропаганда. „Со времемъ Фридриха Великаго и по настоящее время, говоритъ князь Васильчиковъ, Пруссія никогда не колебалась въ своей образовательной политикѣ“. О Россіи можно сказать совсѣмъ противное: мы переходили отъ одной системы къ другой, пренебрегая указаціями исторіи и гугаясь призракомъ, созданнымъ нашимъ собственнымъ воображеніемъ. Говорятъ: необходимо ограждать народъ отъ лжеученій. Но дѣло въ томъ, что самый консервативный элементъ у насъ, всегда ревниво остававшій неприкосновенность коренныхъ основъ нашего государственнаго и общественнаго строя,—это крестьяне. Интеллигенція—бывали случаи—платалась изъ стороны въ сторону и увлекалась теоріями, представляющими патологическія явленія западно-европейской мысли, народъ же всегда твердо держался своихъ религіозныхъ и государственныхъ идеаловъ. И его-то, эту мощную охранительную силу, о которую разбивались всѣ попытки политическихъ фантасматровъ, предлагаютъ оберегать отъ вліянія

(*) „Украинская Старина“, стр. 333, 342, 386—389 и 395.

нать, гдѣ она находила нужнымъ, ради ли удовлетворенія личныхъ своихъ желаній, ради ли дѣйствительно государственной пользы, совершенно наоборотъ всѣмъ своимъ просвѣдательнымъ взглядомъ и разговорамъ. Въ такихъ случаяхъ огромный умъ и здравый смыслъ императрицы совершенно подавлялись въ ней не менѣе, впрочемъ, огромное тщеславіе и она уже довольно индифферентно относилась къ тому, что скажетъ „господинъ Вольтеръ и Европа“. Такимъ образомъ, гораздо проще, чѣмъ можно было бы думать, объясняется и та реакція, которую отмѣчена вторая половина царствованія Екатерины и жертвою которой между другими, болѣе достойными, какъ напиримѣрь Новиковъ, сдѣлался и Радищевъ. Екатерина не отъ чего было отказываться, не затѣявъ было мнѣять свои убѣжденія, которыя, въ сущности, въ вѣщахъ серьезныхъ всегда оставались одинъ и тѣ же—ей надо было лишь отказаться отъ „господина Вольтера и Европы“, что она и сдѣлала, больше, конечно, по разнымъ государственнымъ соображеніямъ, а отчасти, быть можетъ, и просто бросивши надобную итрушку. Да же и не до тщеславія было, когда, напуганная и наученная путавещиной, Екатерина поняла, что если ей удалось овладѣть престоломъ съ помощью дворянства, то пожалуй можно быть убитымъ кто-нибудь, кто съумѣетъ овладѣть имъ, оперируя на другую силу—силу закрѣпощеннаго мужика. Такимъ образомъ всякій намекъ на эту силу, на возможность ея пробужденія разстраивалъ и безъ того разстроенную рану, а отсюда—дѣятельность Шешковскаго, разгромъ уже въ тѣломъ ни духомъ, невиннаго Новикова, наконецъ, повидимому, безобразнѣйшій и нелѣпнѣйшій судъ надъ Радищевымъ и его книги. Но дѣло объясняется тѣмъ, что Екатерина обрушилась на Радищева именно, какъ представительница тѣхъ сословно-дворянскихъ интересовъ, ко-

пропаганды, направленной противъ церкви и самодержавія! Забавное и вмѣстѣ съ тѣмъ печальное недоразумѣніе!

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

О продленіи срока усиленной охраны.

Внесеннымъ въ комитетъ министровъ представленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ полагало:

а) въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Московской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Кіевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Бессарабской и уѣздахъ: Симферопольскомъ, Евпаторійскомъ, Ялтинскомъ, Феодосійскомъ, Перекопскомъ и городкахъ: Бердянскѣ, Таврической губерніи, Ростовѣ-на-Дону и Мариуполѣ, Екатеринбургской, а также Одесскомъ, Таганрогскомъ и Керчь-Евклиевскомъ градоначальствахъ срокъ дѣйствія введеннаго въ нихъ, въ силу Высочайшаго указа отъ 4-го сентября, Положенія объ усиленной охранѣ продлить, еще на годъ; и б) въ вѣдѣностяхъ Имперіи, въ состояніи усиленной охраны не объявленныхъ, сохранить дѣйствіе ст. 28, 29, 30 и 31 Положенія о мѣрахъ по охраненію государственнаго порядка и общественного спокойствія. Комитетъ министровъ, рассмотрѣвъ означенное представленіе, полагалъ испросить на сіе Высочайшее Ею Императорское Величество соизволеніе.

Государь Императоръ, въ 36-й день августа 1882 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя академіка, тайнаго совѣтника Грота.

Яковъ Карловичъ! Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ вашей служебной дѣятельности, посвященной всѣмъ литературѣ, наукѣ и преподаванію. Исполняя въ теченіе многихъ лѣтъ обязанности профессора въ Гельсингфорскомъ университетѣ, а затѣмъ и въ Александровскомъ лицѣ, вы своимъ потанствіемъ въ трудѣ, даромъ изложенія и душевными качествами были благотворное вліяніе на учащихся поколѣнія. Въ послѣдствіи вы были призваны преподавать русскій языкъ и словенство въ Бозѣ почившему Цесаревичу Николаю Александровичу и Мѣ; неунышнымъ усердіемъ къ дѣлу вы заслужили признательность незабвенныхъ нашихъ Родителей. Труды ваши по званію члена Академіи Наукъ и Русскаго Историческаго Общества справно отнесены по ихъ ученому достоинству и отличаются сверхъ другихъ качествъ безпристрастія, и глубоко-правдивымъ чувствомъ. Мнѣ особенно приятно въ столь знаменательный для васъ день выразить вамъ сердечную признательность и пожелать, чтобы силы ваши надолго сохранились для пользы отечественной науки.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ: Собственною Ею Императорскаго Величества рукой начертано

„м искренно уважающій васъ“

АЛЕКСАНДРЪ.

6 сентября 1882 года.

ОБОЗРѢНІЕ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Газета „Сзас“ обнародовала недавно нѣкогда небывалый разговоръ между княземъ Висмаркомъ и какимъ-то польскимъ „патріотомъ“. Въ этой апорочической бесѣдѣ канцлеръ ограничивается тѣмъ, что задаетъ вопросы, нѣмцы же цѣлымъ успѣмъ отношенія поляковъ къ Россіи и Пруссіи, усилить то положеніе, которое они занимаютъ въ случаѣ столкновенія между этими двумя державами. Суть разглагольствованій „патріота“ сводится къ тому, что между его соотечественниками и Россіей не можетъ быть искреннаго примиренія, но что не смотря на то, они стануть на сторону Россіи, если Пруссія задумаетъ прибавить ихъ къ своимъ рукамъ. Діалогъ, вымышленный „Сзасъ-омъ“ интересенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ программу польской клерикальной аристократической партіи, органомъ которой служитъ эта газета.

„Новости“, по поводу разсужденій „патріота“, дѣлаютъ нѣсколько довольно вѣрныхъ замѣчаній. Поляки не хотятъ забыть себя, что практикуюая нѣтъ система обученія Поляки является примымъ результатомъ этихъ двухъ революцій; другими словами, что Россія, какъ показываетъ примѣръ Финляндіи, по природѣ своей, если можно такъ выразиться, вовсе не склонна называть народамъ, входящимъ въ составъ имперіи, учрежденія сословнаго. Она это дѣлаетъ только тогда, когда ее въ этому вынуждаютъ.

Совсѣмъ иное Германія. Сами поляки прекрасно понимаютъ, что войти въ составъ ея значитъ подвергнуться оймеченію, не отравитому ни при какихъ условіяхъ.

Германія не имѣетъ Финляндіи и никогда ее имѣть не будетъ, а изъ великаго знюства партій, въ ней существующихъ, ни одна не подаетъ руки полякамъ, чтобы содѣйствовать достиженію или хотя вѣторой автономіи. Даже клерикалы играютъ съ ними руку объ руку, только пока дѣло касается общихъ религіозныхъ интересовъ, а въ польскомъ вопросѣ они или никогда не оказываютъ поддержки.

Расчитывая полякамъ на восстановленіе Польской Рѣчи, если Германія выйдетъ побѣдительницей изъ борьбы съ Россіей, значить обольщать себя несбыточными надеждами. Пруссія просто ограничится тѣмъ, что присоединитъ къ своимъ владѣніямъ нѣмцынѣе государство, възвѣщающее кликомъ въ ея вѣдѣнія и составляющее весьма удобный пунктъ для германской промышленности. И тогда—о тогда!—поляки могутъ быть вполне увѣрены, что польскому вопросу будетъ навсегда положенъ конецъ.

Однако обратимъ къ самымъ фактамъ. Не буду приводить біографическихъ данныхъ о Радищевѣ, всѣмъ извѣстныхъ, тѣмъ болѣе, что исторія его довольно по тогдашнему времени обычная: былъ посланъ въ числѣ другихъ молодыхъ людей, заграничн, учился въ Лейпцигѣ, продолженіе учения—я это стоить отмѣтить—успѣлъ до того забыть по-русски, что вернувшись на родину долженъ былъ учиться родному языку, наконецъ, служилъ въ петербургской таможенной совѣтницкомъ. Въ это время именно и написана была его книга „Путешествіе въ Петербургъ въ Москву“. Самъ Радищевъ объясняетъ, что онъ написалъ свою книгу подъ вліяніемъ чтенія „Исторіи о Индіяхъ“ Ренала, да Стерна „Септентинальнаго путешествія“. Это чрезвычайно характерно; большая часть книгъ и статей тогда писалась такъ: въ подражаніе какому-нибудь нравившемуся иностранному автору. Радищевъ именно такъ и говоритъ: „и вотъ, *самъ* Ренале довелъ меня до совершенія моей книги“. Явно, Радищевъ и не подозревалъ оказавшейся послѣдствіемъ „вредности“ своей книги, тѣмъ болѣе, что она была пропущена цензурой Управы благочинія, и рукопись была подписана оберъ-полиціймейстеромъ Рыбкевичемъ, который, положимъ, по отзывамъ даже самыхъ нисходящихъ современныхъ, былъ глупъ, что назывался, до сватости, но Радищевъ, конечно, до этого не было дѣла. Кромѣ того, Радищевъ постоянно видѣлъ, что не только его, но и разныхъ вельможъ, а не такъ давно еще и самое императрицу „самъ Ренале, или слогъ Стерна, или слогъ Вольтерова, доводилъ до „совершенія книгъ“—и въ этомъ не только ничего худого никто не видѣлъ, а напротивъ такіа занятія еще въ недавнее время поощрялись и даже выводили въ люди и въ чины, какъ Державина. И вотъ,

Нам пишут из Петербурга, что в ведомств государственного конозаводства в неперодкительном будущем предполагается значительная преобразование, как в общей систем управления, так и в организации персонала служащих.

Нам пишут из Петербурга, что министерством финансов переданы на заключение технических обществ для следующие вопросы: во-первых должна ли выдача привилегий вообще ограничиваться только и в каком именно раздѣлѣ, во вторых, какия облегченія въ уплатѣ пошлинъ за привилегіи могутъ быть предоставляемы недостаточнымъ изобрѣтателямъ.

Намъ пишутъ изъ Петербурга, что надѣньхъ членамъ законопроектной комисіи по вопросу о пересмотрѣ дѣствующихъ пнѣ законовъ о привилегіяхъ разослазъ весьма важный для пособія матеріалъ, именно: обзоръ узаконеній и практикы по выдачѣ привилегій въ девяти важнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ. Обзоръ этотъ составленъ однимъ изъ членовъ комисіи, г. Кауне, по порученію общаго ея собранія.

Намъ пишутъ изъ Петербурга, что по собраніямъ министерствомъ финансовъ даннымъ оказывается, что всѣхъ десятинъ земли, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ, засѣянныхъ свекловичею 223,093. Наибольшее количество, именно—51.425,175 десятинъ, приходится на губернію Подольскую, затѣмъ слѣдуютъ Киевская, Харьковская, Варшавская и проч. Наименьшее, именно—420, приходится на губернію Орловскую.

„Моск. Вѣд.“ сообщаютъ: 8-го сентября съ 7 часовъ утра, около станціи Николаевской желѣзной дороги въ Москвѣ уже собрались громадныя толпы народа, а вокзалъ наполнялся высшими военными гражданскими чинами.

Въ 10 часовъ 45 минутъ съ курьерскимъ поѣздомъ прибылъ князь Черногогорскій Николай со свитой, въ которой, между прочимъ, находились воеводы Радоницъ, Поповичъ и Петровичъ. Московскій губернаторъ, оберъ-полицейскій и вице-губернаторъ и другія власти встрѣтили князя и проводили до экипажа. Князь отправился въ Кремль и остановился въ большомъ дворцѣ во флигелѣ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго дано было знать, что Императорскій поѣздъ вышелъ. У Царскихъ комытъ былъ сдѣланъ роскошный наѣвъ, обтянутый цѣнными креслами и застланный коврами. У самого входа въ Императорские покои, вдоль по платформѣ, былъ выстроенъ почетный караулъ изъ 12-го гренадерскаго Его Величества Астраханскаго полка. Государь Императоръ былъ въ общемъ генеральскомъ мундирѣ. Отъ станціи Ихъ Величества прослѣдовали въ коляскахъ въ Красныя Воротахъ, по Мясницкой, Китайскимъ проѣздамъ, и остановились у часовни Иверской Божей Матери. Приложившись къ св. иконѣ, Августѣйшая чета изволила направиться во дворецъ чрезъ Никольскій ворота. Отъ станціи въплоть до дворца всѣ улицы были заручены народомъ. Люди тѣснились у оконъ, на украшенныхъ флагами и коврами балконахъ, откуда дамы бросали цветы и махали платками. Красная площадь представляла необычайное зрѣлище: начиная отъ Воскресенскихъ воротъ до самого Покровскаго собора негдѣ было уцѣлѣть яблону. Тогда представляла море обожженныхъ головъ. Восторженные клики сливались въ неумолкающій гулъ, тысячи рукъ махали шапками. Многие изъ толпы бросались на колѣни. Народъ загрозмоздилъ пробѣлъ, и пылко участвовавшимъ въ поѣздѣ пришлось на несколько минутъ остановиться. У дворца ждала Ихъ Величества такая же сплоченная масса, приветствовавшая Ихъ восторженными кликами.

Высочайшій выходъ послѣдовалъ около двухъ часовъ. За Августѣйшей четой слѣдовали Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья, князь Черногогорскій, министры, московскій генералъ-губернаторъ и свита. Пройдя залы Екатерининскую, Андреевскую и Александровскую, Государь Императоръ остановился въ Георгиевскій, причѣмъ московскій городской голова имѣлъ счастье поднести хлѣбъ-соль при слѣдующихъ словахъ:

„Государь! Москва радуется, видя Васъ въ своихъ стѣнахъ. Каждая новая встрѣча служитъ новымъ выраженіемъ той глубокой связи любви и довѣрія, которая соединяетъ Царя и народъ. Въ этой связи Ваше Величество всегда найдете самую крѣпкую опору противъ враговъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Отъ имени Москвы имѣю счастье поднести Вашему Величеству хлѣбъ-соль“.

Государь Императоръ милостиво поблагодарилъ за привѣтствіе. Раздалось громкое слово „ура“, не умолкавшее до конца и подхваченное народомъ, когда Ихъ Величества показались на Красномъ Крыльцѣ.

У входа въ Успенскій соборъ высокопроеванный Іоанниинъ, митрополитъ Московскій, съ преосвященными Авросіемъ, епископомъ Дмитровскимъ и Алексіемъ, епископомъ Можайскимъ и высшимъ духовенствомъ, встрѣтилъ Августѣйшую чету съ крестомъ и иконой, причѣмъ произнесъ привѣтственное слово.

Принявъ поднесенную старостой собора хлѣбъ-соль, Ихъ Величества вступили во храмъ, гдѣ владыкою митрополитомъ былъ совершено благодарственное молебствіе, послѣ коего, предшествуемая митрополитомъ и высшимъ духовенствомъ, Ихъ Величества прослѣдовали въ Чудовъ монастырь. Народные клики не умолкали на ступеняхъ монастырской паперти. Ихъ Величества нѣсколько разъ останавливались и оборачивались раскланивались съ народомъ, покрывавшимъ сплоскъ Кремлевскую площадь. Войдя во храмъ, Августѣйшіе посетители приложились къ мощамъ Алексія митрополита, причѣмъ высокопроеванный Іоанниинъ благословилъ Государя, Императрицу и Наслѣдника Цесаревича иконами Святителя Алексія. За тѣмъ Ихъ Величества изволили, при громкихъ кликахъ народа, прослѣдовать особымъ ходомъ въ Николаевскій дворецъ, гдѣ Государь Императоръ и Государыня Императрица нѣсколько разъ подходили къ отворенному окну и показывались ликовавшему народу.

Въ половинѣ четвертаго, Ихъ Величества сѣли въ коляску и отправились, посреди народа, въ большой Николаевскій дворецъ. Народъ разступался и обѣжалъ за коляской, махая шапками и выражая кликами свой восторгъ. До пятого часа народъ не расходился, выходя въ Ихъ Величества. Въ пятый часъ Государь Императоръ и Государыня Императрица вышли изъ Кремля и направлялись въ Басманную, гдѣ посѣтила Елизаветинскій институтъ.

Въ шестомъ часу полузупи Ихъ Императорскія Величества прибыли въ Петровский дворецъ. Неумолкаемое „ура“ густо сплоченнаго на улицахъ народа провожало коляску во все время пути. Когда Ихъ Величества вышли на главный подъѣздъ, то останавливались и нѣсколько минутъ милостиво отвѣчали на привѣтствія народа.

Къ предстоящей коронаціи Ихъ Императорскія Величества въ многихъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ идутъ дѣятельныя приготовления. Такъ, главное общество русскихъ желѣзныхъ дорогъ изготовило специально для предстоящаго

торжества особый вагонъ, предназначенный для поѣздки Ихъ Величества въ Москву. Но ѣздомъ съ этимъ, какъ пишутъ изъ Петербурга „Зарѣ“, на запросъ японскаго посланника о времени предстоящей коронаціи, министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что въ настоящеемъ году коронація не будетъ, а что она отложена до мая будущаго года. Такой-же отвѣтъ данъ княземъ Бороничевымъ-Дашковымъ, предсѣдателю правленія главнаго общества русскихъ дорогъ, г. Половцову, на запросъ его о времени коронаціи. Запросъ мотивированъ тѣмъ, что главное общество, по крайней мѣрѣ, за мѣсяцъ должно быть извѣщено о времени коронаціи, дабы имѣть возможность сдѣлать соответственные приготовления и распоряженія по Николаевской дорогѣ.

— „Русск. Кур.“, со словъ Берлинской „National Zeitung“, на основании полученныхъ ею изъ наслѣжнаго источника свѣдѣній, увѣряетъ, будто Англія встрѣтила наиболѣе рѣшительнаго противника себѣ въ Константинополѣ въ Россіи. По словамъ газеты, Россія желала прежде всего добиться того, чтобы Англія совсѣмъ отказалась отъ своихъ плановъ въ Египтѣ, или-же, въ противномъ случаѣ, какой-либо компенсаціи съ ея стороны: уступки, напр., такъ давно желаемого преобладанія въ Верхней Арменіи. Дюфуринъ зналъ совершенно объ этихъ усиліяхъ со стороны Россіи, зативнувшихъ, будто-бы, подписаніе англо-турецкой военной конвенціи, но, тѣмъ не менѣе, не уступилъ.

По словамъ газеты „Кубань“, Анапское городское общество отправило графу Лорис-Меликову динломъ почетнаго гражданства города Анапы. На принятіе графомъ Лорис-Меликовымъ знанія почетнаго гражданства города Анапы послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. Внѣетка диплома, изначию исполненная, представляла три главныя отрасли городской дѣятельности—рыболовство, табачное производство и хлѣбную торговлю. Къ динлому приложены: изъ города Анапы, прекрасно исполненный художникомъ Гроссомъ, и статистическія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ городской жизни.

„Зарѣ“ сообщаютъ изъ Петербурга, что имѣется въ виду уничтоженіе корпоративнаго устройства сословій присяжныхъ повѣренныхъ, закрытіе существующихъ свѣтовъ, подчиненіе присяжныхъ повѣренныхъ, какъ отдѣльныхъ лицъ данной профессіи, вѣдѣнію судовъ, въ районыхъ которыхъ они занимаютъ судебной практикой. — Законодательнымъ отдѣленіемъ департамента министерства юстиціи выработаны, какъ передаетъ „Новості“, для представленія въ государственныя совѣтъ весьма важный проектъ по вопросу о мѣрахъ къ ограниченію во время каскаціоннаго производства имущественныхъ правъ тающихъ, противъ которыхъ состоялись судебныя рѣшенія.

— „Русск. Вѣд.“ пишутъ изъ Петербурга, что въ настоящее время наше министерство иностранныхъ дѣлъ ведетъ весьма оживленную переписку съ австро-венгерскимъ посольствомъ при нашемъ дворѣ, касательно ограниченія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ правъ въѣзда въ Россію австрійскихъ подданныхъ, не имѣющихъ никакихъ опредѣленныхъ занятій въ нашихъ предѣлахъ. Къ этому разряду австро-венгерскихъ подданныхъ, проживающихъ у насъ въ Россіи цѣлыми массами, относятся австрійскіе цыгане, бродячіе по городамъ толпами музыканты и другія той же категоріи лица, наводяющія всю южную и центральную Россію. Для достиженія предложенной цѣли считаютъ нужнымъ установить слѣдующій порядокъ: 1) всѣ австро-венгерскіе подданные, въѣзжающіе въ Россію, должны имѣть паспортъ, съ указаніемъ въ немъ того или другаго рода занятія прибывающаго въ Россію лица; 2) въ случаѣ отсутствія означеннаго указанія въ паспортѣ, данное лицо арестуется въ Россіи и препровождается на мѣсто его жительства, званіемъ по-рядкомъ, за счетъ австрійской казны; 3) русская пограничная стража будетъ обязана властью не пропускать черезъ границу подобныхъ лицъ въ Россію. Порядокъ этотъ предполагается установить въ возможно скоромъ времени.

— „Голосъ“ сообщаетъ, что 6-го сентября, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ ученю и литературной дѣятельности академика И. К. Грога. День этотъ вспоминали всѣ почитатели трудовъ и таланта почтеннаго академика и, съ 11-ти часовъ утра, квартира его стала наполняться депутациями отъ различныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній. Около часа для прибылъ министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и президентъ академіи наукъ графъ Д. А. Толстой, директоръ публичной бібліотеки А. О. Выходъ, члены государственнаго совѣта, Стояновскій, Любоцинскій, Гротъ и др. Министръ народнаго просвѣщенія, въ присутствіи президента академіи, прочелъ юбиляру Высочайшій рескриптъ. Сверхъ Высочайшаго рескрипта, юбиляръ почтенъ отъ Его Величества назначеніемъ шестилѣтней аренды въ размѣрѣ 2,000 р. Большое впечатлѣніе произвела рѣчь профессора и академика М. И. Сухомлинова, который указалъ дѣдъ драгоценныя черты въ академикѣ-юбилярѣ: онъ высоко держалъ знамя науки свободной, уважающей, и никогда не забывалъ, что онъ членъ русской академіи.

Насколько велика заслуга юбиляра въ этомъ отношеніи,—видно уже изъ того, что академія игнорировала юбилей своего члена и, кромя товарищей по отдѣленію, никто изъ академиковъ не пришелъ познать честную руку юбиляра, столь много потрудившагося на пользу и славу русскаго просвѣщенія.

— „Нов. Врем.“ передаютъ изъ Варшавы, что 5-го сентября произошла тамъ выходящая изъ ряда скачка 35-ти офицеровъ уланъ Его Величества и гродненскихъ гусаръ подъ руководствомъ генерала Струкова. Отъ Скервильна до Варшавы 75 верстъ пройдено въ 5 часовъ 30 минутъ.

— „Моск. Вѣд.“ передаютъ, что 7-го сентября угрозы въ окрестностяхъ Петербурга между станціями Парголово и Лангатаво произошла дуэль на пистолетахъ между прапорщикомъ Преображенскаго полка Михайломъ Аркадьевичемъ Столиппинымъ и отставнымъ поручикомъ того полка княземъ Шаховскимъ. Столиппинъ бѣжитъ, Шаховской смертельно раненъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Маріупольскій уѣздъ (корреспонденція „Южнаго Края“). Шумныя засѣданія происходили у насъ въ нѣсколькокихъ соборныхъ пунктахъ въ началѣ августа.... Почти по 10 представителей изъ каждаго села засѣдали въ этихъ собраніяхъ и выбирали „гласныхъ“... Тутъ были люди совершенно незнакомые, или знавшие другъ друга только по наслышкѣ, и вотъ изъ-подъ рукъ такихъ клалась былые шары человѣку, быть можетъ, совершенно незнакомому и далеко не способному въ „кандачить на землѣ“... Въ участіи, напримеръ, не далеко отъ меня, въ селѣ Петровскомъ—выборъ палъ на такихъ людей, какъ А. И. Хорощъ и О. А. И.—поселянцы и первый богатѣе стараго Керменчика, человѣкъ имѣющій сотни тысячъ, громадное движимое и недвижимое... Всѣ мысли, всѣ желанія и стремленія его направлены, судя по всему, къ накопленію „кредитныхъ“ а с ними, должно быть, и завітаго, улыбающагося влады, „миллиончика“ разнахарактерныхъ способами при помощи разнаихъ „управляющихъ,

приказчиковъ, лавочниковъ, мажеровъ, которые у него цѣлымъ легиономъ шмыгаютъ изъ села въ село, въ погонѣ за мушкетерами... И неузнаю сія осяза, если судьба оторветъ перекъ нѣмъ дери земской управы, будетъ въ состояніи заботиться искренно о нуждахъ и интересахъ постороннихъ чуждыхъ ему людей? Второй гласный, Хорощъ—уроженецъ села Большаго Янисоля, получившій образованіе въ греческой школѣ, „по старой модѣ“ и практиковавшій долгое время на полѣ хлѣбной торговли у маріупольскаго купца. Должно быть рѣдкій, дѣловый и вполнѣ способный человѣкъ, ибо онъ состоялъ земцемъ въ текущемъ трехлѣтіи и, какъ вполнѣ, не успѣлъ еще кончить стараго срока служенія, какъ его вновь выбралитъ... ужъ онъ наѣвное безупречный радѣтель „благъ сельскихъ“. Въ этомъ отношеніи приближается къ нему и другой вновь избранный, но не окончившій еще старыя счеты, экземпляръ земской коллегии Графъ въ участіи „Груна“. Но поосторожнѣе, читатель, что хорошаго сдѣлаетъ вышепомянутый рѣдкостный экземпляръ г-нъ Хорощъ.....

Пробѣжавъ положимъ онъ (пишущему эти строки не разъ приходилось видѣть подобное путешествіе) изъ Маріуполя домой черезъ Керменчикъ, Петрикову, Майорское и другія села; око въ его фуругоны открыто, и вотъ Хорощъ посматриваетъ изъ окошечка на улицы, дома, лавки, школу (на послѣднюю должно быть онъ обращалъ вниманіе рѣдко и поверхностно, такъ какъ развалившіяся трубы керменчикской школы только въ недавнее время обновились) и дѣлу конецъ. Все обогнать благополучно... А не вѣдаетъ онъ, да и не желаетъ знать, въ какомъ положеніи находятся фельдшера, чѣмъ ли не во всѣхъ нашихъ селахъ и какия дѣла творятся въ школахъ... Намъ не разъ приходилось быть въ обществѣ сельскихъ фельдшеровъ и слышать, какъ они почти всѣ были пѣсеньку на одинъ и тотъ же печальный мотивъ. „Плохо подѣ часть становится нашему брату, говорилъ мнѣ не разъ фельдшеръ Старого Керменчика, Майорскаго и Корховскаго... Жалованье получаемъ не большое, отъ практики переплачиваетъ также немного, а тутъ еще изволю разоряться: на собственныя счеты покупать необходимыя медикаменты“...—Какъ такъ? спрашиваю у него... А земство разнѣ не присылаетъ? „Да что, сударь въ мой, присылаетъ, да толку мало. Прислѣтъ оно намъ нѣсколько „банокъ“ да пазурковъ“ съ прискорбнымъ разнообразіемъ содержимаго, и вотъ извольте проэкнономичать съ ними цѣлый годъ, а болыныхъ у васъ цѣлыя сотни въ мѣсяцъ!.. И вотъ придетъ, положимъ, болыной съ хроническимъ катарромъ горла, а у тебя и липецъ кончился, да и zincum sulphuricum мало: липецъ-неполѣ довольствуешься одной бертолетовой солью, съ чѣмъ и отупекаетъ пациентъ... А то явится съ катарромъ желудка или одышкой, даешь, что только есть полъ рюмки безразнаго для организма и съ малымъ шансомъ на пользу... Гдѣ же послѣ этого надѣяться на благополучный исходъ сложной болѣзни? Иногда попросишь доктора написать земству о присылкѣ необходимыхъ средствъ, ну и надѣешься, что вотъ-вотъ скоро получиши и то и другое... Но пройдетъ мѣсяцъ, другой... а средствъ нѣтъ, какъ нѣтъ, и изволь въ это время составить мистурку изъ того, что Богъ послалъ“. Такого-то рѣчи да жалобы фельдшера, и все это не выдуманно, не преувеличено... Доказатъ фактомъ нетрудно... Немного кажется, и 5 мѣсяцевъ не прошло съ того времени, какъ дифтеритъ прогуливался по нашимъ селамъ, и вотъ въ Керменчикѣ, напр., селѣ, имѣющемъ болѣе 500 дворовъ жилыхъ, нельзя было достать не то, что карболовой кислоты, но даже йоду ни у фельдшера, ни въ лавочкахъ... Что касается до аптекъ, то ихъ у насъ селъ на 30, наѣвное... только одна... какъ рѣдкая птица красуется въ Грунахъ... И вотъ извольте при грозной погодѣ, живя положимъ въ Майорскомъ, прохвѣтъ 50 верстъ и доставить во время помощь находимому при смерти ребенку... Что-же касается до случаевъ отравленія, то отравившіеся переедате обыкновенно воли Божіей: переедате организмъ ядъ—хорошо, а не переедате, такъ дѣлаетъ нечего, за 50 верстъ противоядія не доставишь скоро... Впрочемъ старое земство лѣтъ 5 тому назавъ соорудило „великолѣпное“ и просторное зданіе въ селѣ В. Янисолѣ, предназначенное для аптеки... но по сіе время оно стоитъ для бѣсвѣра и носитъ неадекватное имя аптеки... Земство, кажется, забыло про него—вотъ только крысы, мыши, тараканы и др. незваные и обыкновенные гости въ земскихъ постройкахъ преспокойно живутъ да походятъ въ выбѣженныхъ комнатахъ....

Печальныя картины представляли у насъ мнѣшній апрѣль, когда чуть ли не каждый день проносилось ad patres еле показавшееся въ свѣтъ существо... О санитарной помощи, вообще даже объ увеличеніи дѣтучихъ силъ, у насъ не слышно было, да и земство должно быть о сихъ матеріяхъ не заботилось... Но крайней мѣрѣ не разъ прокатились въ это время чрезъ села Хорощъ въ своемъ невзрачномъ фуругоны, не разъ прохвѣлъ и Графъ въ болѣе шикарномъ экипажѣ (сей мужъ богаче того мужа), и не одно, должно быть, погребальное мѣстѣе встрѣчали они на пути въ это роковое время, а все таки на весь огромный участокъ былъ одинъ докторъ, а постороннихъ силъ для борьбы и пресѣненія эпидеміи не было... И только случайно оставилъ насъ дифтеритъ, такъ какъ подобралъ уже всѣ свѣжія юныя лица и подхланившихъ жертвъ оставалось уже очень мало.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось во время земской дѣятельности Хороща въ школахъ нашихъ, начиная положимъ съ Керменчика и кончая Константиновомъ... Тутъ тоже окажутся замѣчательныя вещи... Торжественно прѣхали въ 1879 году въ село Керменчикъ по назначенію земства 2 учителя: одинъ чернычій, худой Ч-ій, другой блондуристый, толстый Н-ій. Первый сказалъ обществу: „Господа! Я буду вашихъ дѣтей учить грамотѣ“, читать писать и пѣть церковныя пѣсни по нотамъ“, а 2-й заключилъ: „а я уже подготовленныхъ слѣга ребятишекъ поведу дальше, а всѣми силами буду стараться дать имъ возможность получить свѣдѣтельство по 4-му разряду, чего я думаю, каждый отецъ искренно желаетъ“.... Сказано было прекрасно. Общество было въ восхищеніи отъ такихъ радужныхъ обѣщаній и надеждъ... Съ величайшей энергіей принялись учителя за исполненіе своихъ словъ.... Записѣла работа... Ч-ій усердно тянулъ съ учениками „до-те-мі“ и училъ ихъ азбукѣ, а Н-ій ревностно содѣйствовалъ скорѣйшему полученію свѣдѣтельства... Для болѣе успѣшнаго веденія дѣла „педагога“ назидали даже вечерніе часы для занятій съ дѣтми, чего прежде въ Керменчикѣ не водилось. Но,—увы!—какъ на свѣтъ все превратилось!.. Въ то время, какъ общество съ наслажденіемъ слушало въ первыя голоса своихъ ребятишекъ, тянувшихъ церковныя пѣсни, а учителя были у аполлѣ славы и конца своихъ обѣщаній,—случилась бѣда.... Въ домѣ, гдѣ квартировали Ч-ій, были три хозяйскія дочкы—одна другой краше, и вотъ онъ, какъ водится обыкновенно даже въ сказкахъ, занялся съ самой „меленьшей“, и „замуръ“ своихъ вѣсомъ сразу перетянулъ „и азбуку, и ноты, и обѣщанія“, и рвеніе и кучу дѣтей!... Такая-же исторія случилась и съ Н-имъ. И вотъ педагога начинаютъ ослабѣть по немногу

свою энергію и ревность въ дѣлѣ ученія. Когда же страсть у обоихъ дошла до трагическаго конца „женитьбы“, Ч-ій окончательно пересталъ учить „дѣвчухъ“ и бывать въ церкви, перессорился съ попомъ, діакономъ, дьячкомъ и т. д., а Н-ій ходилъ въ классъ болѣе для виду: войдетъ и велитъ писать—попишутъ; велитъ читать—попоятъ и маршъ домой. Послѣдствія такого отношенія къ дѣлу скоро обнаружались. Вотъ уже 3 года какъ ни одинъ ученикъ изъ Керменчика не получилъ свѣдѣтельства по 4 разряду... Въ настоящее время Ч-ій почему то покинулъ Керменчикъ, а Н-ій по сіе время поживаетъ „лавы“.... Поселился у тестя и преспокойно занимается хозяйствомъ: пахнетъ, молотитъ и про земскія денежки не забываетъ.... получаетъ исправно. И сколько разъ въдръ прохвѣзалъ чрезъ Керменчикъ Хорощъ, а до сихъ поръ ему не бросается въ глаза такіа интересная вещь. Ну, пусть это уже отъ него скрыто... но какъ же онъ самъ, имѣя мѣсто жительства въ Янисолѣ, не можетъ замѣтить, что учитель тамошній, молодой юноша, скорѣе-годе въ прилавкомъ сидѣтъ да разными товарами торговать, чѣмъ сельскихъ дѣтей уму разуму учить? Со стороны даже непонятно, какъ это воспитаніе дѣтей поручается такимъ людямъ, какъ учителя В. Янисоля, Константина и др. селъ греческихъ...., —людямъ съ ограниченными весьма развитіемъ и даже хромающимъ въ русской рѣчи... Что только дала имъ учительская семинарія съ своими скатками, педагогическими науками, то и осталось въ головахъ у нихъ....

О дальнѣйшемъ развитіи у нихъ нѣтъ и мысли, нѣтъ желанія; по крайней мѣрѣ пишущему эти строки извѣстно, что рѣдко кто изъ нихъ посвящаетъ время осмысленному чтенію дѣльныхъ книгъ и, нѣрѣдко выдающихся въ литературѣ, новинкахъ по ихъ специальности... Никто изъ нихъ не выписываетъ хоть какой-нибудь педагогическій органъ, а увлекаются преимущественно пустынными романчиками М-не Лыовой, да построчью Баймана а ля „Нева“ „Иллюстрація“ и пр... И вотъ твердятъ дѣти изъ года въ годъ „Родное слово“—„разныя учебныя вещи“, „минералы“, „животныя“ и т. п., а дальше ни шагу....

Такъ вотъ такіа дѣла творились въ трехлѣтіе такого „радѣтеля“, какъ Хорощъ, и его опять выбираютъ, выбираютъ и товарища его сослуживца Графа,—быть можетъ и бывшій предсѣдатель Шварцъ то же попадетъ въ гласные?... Значитъ, не поможетъ и поговорка, извѣстная у насъ чуть ли не всякому волостному писарю, гласитъ она: Шварцъ (предс. „земства“)—и въ дѣлахъ schwarz, Графъ—не по графикамъ поступаетъ, а „Хорощъ“—(непрерѣнный членъ, какъ и „Графа“) совсѣмъ не хорошъ!.... Увидимъ ли мы Хороща и Графа вновь на широкомъ поприщѣ земской дѣятельности или нѣтъ, покажетъ время... По крайней мѣрѣ желательно бы, чтобы судьба извѣдала уѣздъ отъ такихъ „членовъ“, учителей и отъ такого мирового судьи, какому теперь у насъ въ 4-мъ участкѣ.... Скажемъ о немъ нѣсколько словъ.... Представьте въ себѣ человѣка, имѣющаго нѣсколько 1,000 десятинъ земли и отдающаго ихъ въ аренду, затѣмъ представьте человѣка, занимающагося въ компаніи съ нѣкими купцомъ покупкой разнаго скота, егдо скотопрмышленника; затѣмъ прибавьте еще человѣка, имѣющаго крупнучаго мелшину, цѣлый табунъ лошадей, съюснаго хлѣбъ, представьте далѣе человѣка, торгующаго бакалейными, москательными, преимущественно „нѣжными“ ситими, вывезеннымъ прямо изъ Москвы, перенеситесь, наконецъ мысленно въ камеру 4-го участка и взгляните на человѣка сидящаго за „краснымъ“ столомъ—и вы получите полное, вѣрное представление о нашемъ мировомъ судѣ.... А смѣшайте теперь и „муку“ и „хлѣбъ“ и „скотъ“ и „разныя товары“ и „дѣла подѣ Х“—и посмотрите, какой интересный винегретъ будетъ передъ вами!.....

Нупанскъ (корреспонденція „Южнаго Края“). Годъ четыре тому назавъ предполагено было открыть въ Нупанскъ женскую воскресную школу при прогимназіи. Педагогическая корпорація прогимназіи охотно извѣстила свое желаніе обучать въ этой школѣ безвозмездно, а законоучитель, протоіерей Александръ Омиль, сказалъ въ Николаевской церкви слово, припалама желающихъ обучаться въ школѣ показавать въ зданіи прогимназіи по воскреснымъ днямъ. Но въ сожалѣнію тѣмъ дѣло и кончилось. Говорили, что одна женщина приходила учиться, подождала подлѣ прогимназіи и, не получивши, пошла домой. Если это правда, то, очевидно, врагами добраго дѣла были наше неумѣіе, незнаніе да бозны. Однако, какъ ни безупрѣйна была первая попытка, это не лишаетъ еще насъ надежды видѣть въ Нупанскъ женскую воскресную школу. Если желаніе педагогической корпораціи и пастырское слово въ церкви оказались безсильными, то есть еще одно средство, которое можетъ быть поможетъ нашему горю. Необходимо обратить вниманіе нашихъ матронъ на начатое доброе дѣло, и, нужно полагать, что онѣ настолько будутъ дорожить своимъ достоинствомъ, что окажутъ ему посильную помощь. Нужно полагать, что изъ чувства человѣчности онѣ не откажутся предоставить своимъ служанкамъ воспользоваться свободнымъ воскреснымъ днемъ, для посѣщенія воскресной школы при женской прогимназіи, которая (школа), по нашему мнѣнію, только такимъ путемъ и можетъ устроиться. При этомъ нельзя не замѣтить, что педагоги, извѣстившіе желаніе обучать въ воскресной школѣ, должны быть наготовѣ въ воскресеніи, на случай явки ученицы, и не должны претендовать на болѣе число ихъ: на первый разъ можно поучить—сколько ихъ явится, хотя бы и одну. Оставляя даже одну безъ своего вниманія, какъ показалъ уже примѣръ, значить оставить опять Нупанскъ безъ женской воскресной школы. Одинъ и одна, сами по себѣ, числа не болышія, но безъ нихъ ничто не начинается и ничто не оканчивается. А воскресная школа при прогимназіи является необходимой и для практички оканчивающимъ курсъ въ 4-мъ классѣ прогимназіи ученицамъ, болѣею частью ищущимъ званія учительницы начальнаго училища.

Намъ пишутъ изъ Нобелевскаго уѣзда, Полтав. губ. Стремленіе къ переселенію въ другія лучшія мѣста охватываетъ мѣстныхъ земледѣльцевъ все болѣе и болѣе. Вотъ, напримеръ, цифры переселившихся въ этомъ году: изъ Кустовской волости до 150 дворовъ, Вѣлчійской волости до 130 дворовъ, Нов.-Сажаровской волости до 70 дворовъ, Велико-Кобельской волости до 60 дворовъ и т. д. Выселене значительно болѣе изъ Царичанской волости, гдѣ народъ бѣднѣе, а земля пропорціонально менѣе. Въ настоящее время переселене здѣсь является вопросомъ дня; разговоры о немъ, вы услышите возлѣ: въ шинкѣ, на ярмаркѣ и въ частной бесѣдѣ; оно является главною темою разговоровъ бѣднѣйшаго казачьяго населенія. Переселене совершается не наобумъ, а по вѣрному расчету. Прежде переселеніе составляется болышая или меньшая партія идущихъ на заработки, это вмѣстѣ съ тѣмъ и кандидаты въ переселеніе. Облюбовавъ мѣста, она возвращается домой и, если есть хотя малѣйшая возможность, забираютъ женъ и дѣтей и уходятъ уже съ тѣмъ, чтобы не вернуться. Переселене совершается почти всегда на земли

помѣщиковъ, тяготящихся своими мѣшными и потому продающихъ ихъ весьма быстро и дешево. Компанія для покупки земли, гдѣ бы она ни была и сколько бы ее ни было, составляются съ замѣчательной быстротой, деньги находятся легко, въ интересахъ покупки земли займы совершаются чуть не каждую минуту и совершенно безпрятственно, потому что земля считается самымъ вѣрнымъ обезпеченіемъ, какъ бы дорога она ни была. Поэтому „на въ переселеніи“ идутъ только тѣ, которые что-либо и сами имѣютъ и кредитомъ у добрыхъ людей пользуются, потому что всакой уже знаетъ, что безъ денегъ и тамъ „худо“. Голь же только мечтаетъ....

Намъ пишутъ изъ Славяносербскаго уѣзда: въ селеніяхъ Петропавловкѣ и Орховкѣ съ іюля мѣсяца эпидемическія свирѣпствуютъ среди дѣтскаго населенія скарлатина, отъ которой многія и умираютъ. Но мѣсяная медицина къ этому отнесится довольно хладнокровно. Еще въ іюлѣ прѣхавъ въ Петропавловку земскій врачъ Булачевъ съ фельдшеромъ Кузьминимъ, которые, осмотрѣвъ больныхъ и оказавши имъ нѣкоторое пособіе, благополучно возвратились въ М. Ивановку. Затѣмъ, въ продолженіе всего августа, о медицинѣ не было ни слуху, ни духу. Случайно какъ-то забѣжалъ, впрочемъ, фельдшеръ Ивановъ, но не сдѣлавъ ничего, тоже возвратился въ Ивановку, такъ что оба селенія снова остались на произволъ судьбы. Наконецъ, петропавловское волостное правленіе вышло изъ терпѣнія, ожидая медицинскій помощи, и 28-го августа распорядилось послать въ Ивановку лошадей за фельдшеромъ Кузьминимъ, чтобы взять его для осмотра больныхъ и поданія имъ помощи. Но Кузьминъ возвратилъ лошадей обратно, не признавши нужнымъ прѣхавъ въ Петропавловку и предложи, какъ оказалось, побывать съ своимъ женою въ деревнѣ Хрустальной, въ гостяхъ у своего куна, на рудникѣ г. Бродскаго. Вообще, земскій фельдшеръ Кузьминъ, служа фельдшеромъ по науку и на рудникѣ Бродскаго (Міусскаго округа), довольно часто отвѣщается отъ прямыхъ своихъ обязанностей по службѣ славяносербскому земству, а приходящіе къ нему больные получаютъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „нѣтъ дома!“

Намъ пишутъ изъ Николаева, что число приходящихъ и отходящихъ заграничныхъ коммерческихъ судовъ къ Николаевскому порту въ нынѣшнее лѣто значительно меньше противъ прежнихъ. Такъ, за іюль мѣсяцъ число пришедшихъ изъ заграничн парохозовъ—11, въ томъ числѣ англійскихъ 10 и 1 норвежскій; парусныхъ судовъ 4 (2 греческихъ, 1 италянское и 1 австрійское). Отшедшихъ заграничн: парохозовъ 12 (11 англійскихъ и 1 норвежскій); парусныхъ—3 (1 италянское, 1 турецкое, 1 австрійское). Вывезено пшеницы за это время 79,189 четвертей, ячменя 70,927, ржи 15,304 и овса—9,776 четвертей.

Намъ пишутъ изъ Миргорода, что на 7-е сентября здѣсь назначено экстренное земское собраніе для выбора предсѣдателя и двухъ членовъ земской управы, такъ какъ нынѣшній предсѣдатель, графъ О’Руръ и гг. Адамовичъ и Зятелинъ, обременные буюдо бы рѣзкими выраженіями нѣкоторыхъ гласныхъ во время бывшаго недавно шестидневнаго очереднаго собранія, на другой день послѣ его закрытія подали въ отставку.

Кіевъ.—„Од. Л.“ сообщаетъ, что сюда прибылъ предсѣдатель общества юго-западныхъ дорогъ, г. Вышеградскій, для ревизіи дѣлъ управленія дороги.

Одесса.—„Голосъ“ телеграфируетъ отъ 6-го сентября, что наканунѣ въ полдень передъ самымъ началомъ гонки яхтъ, въ концѣ практическаго гавани, рабочей бросился въ воду. Немедленно были приняты мѣры и его вытащили изъ воды. Онъ объявилъ, что желалъ утопиться „съ голода“. Время и мѣсто покушенія на самоубійство, равно какъ присутствіе многочисленной толпы заставляють предположить, что рабочий хотѣлъ только обратить на себя вниманіе. Онъ отправленъ въ полицію.

<

Харьковъ. Дозволено цензурою, 10 сентября 1882 г.